

## СВЕТСКАЯ МУДРОСТЬ И КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Дана характеристика институциональных изменений национального государства с позиции переосмысления последствий развития глобального капитализма. Проанализирован содержательный объем понятий «светское» и «постсекулярное». Показано, что секулярные и постсекулярные линии развития общества в условиях кризиса модели социального государства перекрещиваются, что создает непростой комплекс отношений, который нуждается в осмыслении, рефлексивном сотрудничестве, культуре общественной дискуссии.

*Ключевые слова:* социальное государство, светское общество, постсекулярное общество, гуманизм, христианско-православные ценности.

Актуальность обозначенной темы существенно возрастает в современных реалиях государственного реформирования России: крах советской государственности и трудности постсоветского государственного устройства остаются непреодоленными и по-прежнему влияют на пути общественного развития. Постсоветская государственность оказалась крайне дискредитированной собственными эксцессами. В свете этого факта нельзя отрицать, что русский мир в очередной раз переживает социальную и культурную катастрофу. Было бы серьезным упущением не отметить, что это трагическое событие имеет идейных вдохновителей с самыми разными идеологическими и гражданскими достоинствами и взглядами. В нынешний период демократических свобод и рынка, идущих как бы навстречу многолетним пожеланиям свободомыслящей, радикально настроенной части общества, властно установленные ценности либеральной демократии во многом утратили народное доверие. Очевиднее стало то, что надежды подавляющего большинства общества на адекватные реформы не оправдались, а накопившиеся проблемы фиксируют недоверие по отношению к принятой властью экономической модели, социальному порядку, правительству, политикам, СМИ и другим институтам. Ключевой вопрос статьи: в чем проявляются сегодня конкретные результаты анализа российской государственности с позиции социального государства и как соотносятся эти результаты с начальными ожиданиями?

*Кризис национального государства.* Очевидным к началу XXI в. стало утверждение, что техногенная и информационная цивилизация приводит к обострению глобальных проблем человечества, что национальное государство все больше лишается своих традиционных функций и ответственности. В общественно-гуманитарной риторике анализ объективной результативности принимаемых мер по решению проблемы кризиса государства идет наряду с критическим переосмыслением последствий глобального капитализма. В этом смысле крах Советского Союза и социалистических стран служит полезным напоминанием

## SECULAR WISDOM AND CULTURE OF THE SOCIAL STATE

The article characterizes institutional changes of the national state from the position of reconsideration of the consequences of global capitalism. The content of the concepts "secular" and "post-secular" is summed up. It is shown that secular and post-secular lines of development of the society in the event of a crisis of the model of "the social state" intersect with each other, which creates a complex set of relations that needs comprehension, reflexive cooperation and culture of public discussion.

*Keywords:* social state, secular society, post-secular society, humanism, Orthodox Christian values.

о том, как и почему государственная власть приобрела тягу к разрушению и решительному движению к «минимальному государству», как и почему подвергается нападкам модель «социального государства». Последствия такой институциональной мутации трудно переоценить. Ограничимся примерами некоторых из них.

Во-первых, *локальная децентрализация.* Ослабление вертикали государственного правления и производственных организаций, структурированных в соответствии с рыночными принципами принятия решений и горизонтальными координирующими способами управления национальными ресурсами, сокращает его легитимность и возможности осуществлять долгосрочную политику по основным социальным вопросам. Задачи государства смещаются с позиции служения обществу в целом к предоставлению услуг (товаров) лишь отдельным секторам заинтересованных клиентов. При этом подспудным критерием всегда является фактор эффективности. Однако в той мере, в какой осуществляются подобные способы регулирования и сотрудничества, не предвосхищаются риски усиления разного рода неравенства между гражданами и регионами страны, не учитываются должным образом демографические изменения, проблемы, возникающие в связи с финансовыми трудностями, миграционной политикой, деградацией культурной среды, ослаблением экологических ограничений и пр. Поэтому контекст для дискурсивной демократии практически невозможен, обманчив и существует реально только в идеале.

Во-вторых, *глобальная централизация.* При установлении правил интернационального управления регулируется ограниченным числом государств, частных и элитарных сообществ, пользующихся общим для них кодексом взаимоотношений. Такая «министоронность», построенная на непрозрачных межличностных связях, демонстрирует эффекты грубого неприкрытого господства «избранных», выхолащивает государственные интересы, освобождая от какой бы то ни было ответственности перед обществом в целом. Иначе говоря, образуется своего рода

соединение локальной демократии с космополитическим управлением [1].

Уже давно в социальном анализе принято критически относиться к проекту мирового государства с его идеей собственного плюралистического политического общества, международных и наднациональных учреждений. Различные доктрины, его развивающие, стремятся навязать общественному мнению необходимость отказа государства от суверенитета, от полной независимости. В доктринально-теоретических обоснованиях философа-неотомиста Ж. Маритена, публично представленных в начале 60-х гг. XX в., была высказана идея общечеловеческой интеграции, суть которой заключается в объединении отдельных сообществ (социальностей естественного типа) в один народ. По мнению философа, среди всех народов (сообществ) «должно развиваться чувство общего блага для этого *одного народа* и вытеснить чувство общего блага для каждого отдельного политического общества» [2, с. 191]. Не менее любопытно в данной организационной перспективе выглядит предложенная Маритеном модель всемирного наднационального консультативного совета, который будет состоять из опытных специалистов в области этики и юриспруденции, чья функциональная роль будет заключаться в этической и политической мудрости: «Давайте предположим, что, будучи однажды избранными, они утратили свое национальное гражданство и приобрели всемирное гражданство, чтобы стать независимыми от какого-либо правительства и совершенно свободными в реализации своей духовной ответственности» [2, с. 195].

В этой связи рождается много вопросов, в частности: кто может гарантировать в составе совета участие лучших людей, или культурной аристократии? Пожалуй, размышления подобного рода из-за чересчур заманчивых перспектив совмещения аристократии ума и таланта с демократическим началом, а также из-за привычной и наивной недооценки того, что, собственно, есть на практике испытанная утопия, легко трансформируются в догму. Хотя зародыш такого начинания уже внедрен в современную структуру мира в виде норм деятельности существующих органов (типа Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации и др.), которые в рамках глобальной организации через расширение транснациональных корпораций укрепляют значимость международных организаций, при этом уменьшая эффективность средств национального регулирования [3]. Под тем же углом зрения методика наднационального управления развивает, но более детально, американский экономист С. Хаймер: «Схема будет сложной, такой же сложной, как и корпорационная структура, однако отношения между различными странами будут соответствовать отношениям между руководителем и подчиненным, штаб-квартирой и филиалом, производственным отделением» (цит. по: [3, с. 142]).

Разумеется, подобный принцип взаимодействий в глобальном государстве-корпорации не способствует упрощению позиций национальных государств, напротив, разворачивается в противоположную сторону. Стоило бы не забывать, что «государство есть союз людей, властвующий самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории», а в пределах подчиненной ему террито-

рии «господствует вполне исключительно, т. е. не допускает в этих пределах существования власти, не подчиненной ему» [4, с. 420]. Трезвый учет действительности вынуждает допустить, что правящие элиты не способны выработать национальные стратегии развития, поскольку в своих взаимовыгодных переплетениях (общность интересов, ориентаций на будущее, бизнес, родство) и перераспределениях ресурсов и власти занимают статус подчиненного (приказчика, или менеджера) и заведуют своей страной всего лишь как филиалом или производственным отделением глобальной корпорации. И это притом, что министры как представители государственной мудрости и служилой опытности, должны бы управлять самостоятельно и эффективно. Так что стремление свести роль государства к минимуму, создав глобальную конструкцию, свободную от власти суверенного государства, надо признать разрушительным, поскольку силы морали, религии и идеологии внутри наций просто-напросто не справляются с человеческой алчностью и преступностью. Соответственно, минимизация «социального государства» вынуждена восприниматься в градации эффективного провала национальной политики, краха идеи справедливости и принципа служения общему благу.

*Гуманизм и модернизация государства.* Если трактовать понятие «светское» как «секулярное», то светское общество должно вобрать в себя идею модернизации государства и идею о независимости светских интеллектуалов от церкви. Идеологическую основу этой институциональной комбинации составляет гуманизм, который и возвел секулярную культуру над религией в качестве высшего интеллектуального стандарта.

Нельзя не заметить, что для современных западных философов идея гуманизма неактуальна в силу того, что минимальный уровень ее реализован в правовой политике либеральной демократии, и потому они рассматривают ее в качестве клише политической пропаганды и стереотипа массового сознания. Тем не менее, внутри идеи гуманности при несомненном единстве некоторых сквозных тем и ряда фундаментальных установок реализовался дивергентный спектр теоретических и практических возможностей, а с ними и разброс в интерпретациях их значений и последствий. В настоящее время сосуществует много видов гуманизма: религиозный, натуралистический, научный или светский, военный гуманизм, минималистический гуманизм и т. п. Однако вряд ли стоит довольствоваться декларациями о мирном их сосуществовании. Следует признать между ними различия и силу влияния на процессы развития общества. Тогда перед нами предстанет преимущественно не теоретическая, а практическая идеология в виде регулятивного принципа правовой организации общества. Этот принцип ориентирован на «социальные технологии» в известных своей формальностью подходах плюрализма, открытости, вариативности, релятивности. В глазах оппонентов все эти подходы являются объектом критики. Последствия их реализации обозначим как «негативные процессы». Из них назовем лишь три, хотя в действительности их намного больше.

*Нечто подходит всему, или насильственное, механическое изменение общества.* В лекциях по философии права Е. Н. Трубецкой подчеркивал, что гуманистическая вера

в доброту и разумность человеческой природы, в возможность создания идеальной, безусловной формы общественного устройства сопутствовала взгляду на общество как на искусственный механизм, который некогда был создан и, следовательно, в нужный момент может быть пересоздан по-новому. Такие идеи и теории «профанного» гуманизма вселили убежденность в достижимость земными средствами высшего предела истории, породили требования освобождения от всяческих оков, что приводило в конечном счете к радикальным революционным выводам, крайнему максимализму, бескомпромиссности, граничащим с преступностью [4]. Неудивительно, что «перестройка» России сопровождается циничным взглядом на государство, отсутствием уважения и пренебрежительным отношением к отечественной и христианско-православной символике, истории, памятникам и праздникам.

Академическая мысль признает, что государственное устройство каждого государства должно зависеть от самосознания народа, от степени его культурного развития и потому не может быть навязано ему априори. То, что Россия втянута в чисто априорную конструкцию, которая на самом деле вовсе не считается с конкретными историческими особенностями нашего социального и культурного мира, нашей национальной идеей, очевидно. Таким образом, следовать этой чуждой методе, разрушающей основу национальной идентификации, — значит не только противоречить собственному здравому смыслу, но и допускать цивилизационный слом российской государственности, изливаться «в пустотную форму чуждой жизни», по О. Шпенглеру [5, с. 193].

*Отчуждение народа от достижений культуры, цивилизации, труда.* Специфика ситуации в том, что элита изъела себя из общей жизни и не признает своей гуманитарной миссии. В результате высокого уровня неравенства социальное большинство косвенно и интенсивно отчуждается от высших достижений культуры и цивилизации. То, что российская высшая школа впервые за многие десятилетия стала охранять и закреплять кастовые различия, можно назвать гуманитарной катастрофой. Не менее циничные принципы закрепляются в профессиональной деятельности: экспансия административной рациональности в сфере труда, масса социальных регламентаций и профессиональных компетенций, требования готовности и адаптации к новым условиям и работе всегда и в любой момент. Неизбежно всякий человек «сводится к подходящей для чего-либо массе» и принужден быть таковым, «каким вы хотите меня видеть» [6, с. 96]. На деле все это новые формы отчуждения и несвободы.

*Примитивная натурализация человека.* Когда государство разрушается во имя конъюнктуры рынка, когда острейшие социальные проблемы возводятся в ранг естественных и необходимых, когда человек труда воспринимается как биомеханизм, функционирующий на инстинктивно-рассудочном уровне, низводится смысл человечности и культура гуманности. Факт тем более озадачивающий, что он противоречит укоренившимся в христианской антропологии представлениям о божественной составляющей природы человека. Высокое значение личности, как его понимало и возвестило христианство, есть великое завоевание морального сознания. Именно благодаря своему

божественному происхождению человек имеет неприкосновенную ценность и достоинство. Если античная идея гуманности утвердила признание достоинства человека, закрепила веру в благородство человеческой природы вообще и совершенствуемость всякого существа, носящего человеческий облик, то в современной антропологической версии человек понимается как эволюционировавшее животное, цивилизованный зверь. Тонкий аналитик современности А. С. Панарин, отмечая этот неблагоприятный феноменологический факт, писал, что «новый естественный отбор либералов глобализма грозит новой бестаризацией человечества. Зверем уже сегодня запахло. И дорогу зверству расчищает так называемый либерализм, призывающий не вмешиваться в действие механизмов естественного отбора. От принципа минимального государства либерализм постепенно пришел к принципу «минимальной» морали и культуры — они тоже не должны мешать естественному рыночному отбору. Но этот странственный прорыв закрывает возможности прорывов во времени» [7, с. 486].

Таким образом, общим знаменателем охарактеризованных последствий является то, что все они являются чуждыми понятию о человеческом достоинстве и потому понуждают нас осознать, что в изменившемся внешнем и внутреннем положении России проводимая социально-экономическая политика носит деструктивный характер (всероссийское разграбление). Потенциально взрывная проблема миграции и иммиграции в тех формах (легальных и нелегальных, двойное/тройное гражданство), которые допущены властью, радикально усугубляет общую картину распределения общественных благ. Правящая элита должна максимально постараться, чтобы пересмотреть существующие законы и программы и предпринять реальные меры, добившись прагматизма в национальной и общественной политике, что отвечает интересам коренных народов и страны в целом.

*Светская мудрость и постсекулярное общество.* Постмодернистская философия наметила линию представлений о социальном с приставкой «пост-». Характеризуя отношение современного общества к религии, Ю. Хабермас определяет его как «постсекулярное», где приставка «пост-», как знак эпохальных перемен, наводит на подозрения о возвратном движении модернизации. Если секуляризация осуществилась среди тонкого слоя европейских интеллектуалов, то в настоящее время, по мнению философа, приходится убеждаться в относительности этого процесса. Соответственно, возникает повод к новому прочтению термина «секуляризация», что в большей степени относится не к его сути, а к будущей возможной роли религии [8].

Действительно, сегодня многие крупные политические или культурные события трудно понять вне религиозного контекста, поскольку общественная значимость религии возросла на национальном уровне. Традиционная форма религии, организованная институционально и лояльная к своим корням, не исчезла, но составляет часть устойчивого комплекса политических идей и идеологии исключительности. Функция обособления групповых норм всегда обнаруживается более явно, когда религиозно-этническое сообщество доминирует в экономической или политичес-

кой жизни. Так, например, достаточно устойчиво положение протестантизма в американском обществе.

В настоящее время возможности российских религиозных меньшинств исповедовать свою религию расширились, они даже получили те же права, которые есть и у приверженцев доминирующей христианско-православной веры. Более того, самим фактом своего существования они утверждают феномен социально заметной религии. То есть сложилась ситуация, когда отличные мировоззрения и субкультуры оказались включенными в светское общество, при этом оставаясь чуждыми друг другу на уровне ценностных порядков вероисповедания. Такое положение вещей, с одной стороны, обозначило проблему их сосуществования в системе современного государства, с другой — обострило столкновение неверующих с верующими. Это связано с тем, что представители религии все чаще высказываются по общественным, культурным и политическим вопросам. Например, в связи с этической неоднозначностью таких проблем, как защита семьи и детства, эвтаназия, легализация абортов, клонирование, публично озвученная четкая позиция Православной церкви оказывает значительное влияние на мнение и выбор людей.

То, что инструментальная рациональность сегодня перестает быть преимущественным и тем более единственным ориентиром, позволяет надеяться, что активная вовлеченность религии в процесс общественных изменений поможет преодолеть узость секулярного взгляда и проложит путь к благожелательному рефлексивному сотрудничеству. В условиях духовного краха для противодействия растущему отчуждению и классовой неприязни необходима широкая общественная дискуссия. Светская (гражданская) мысль должна встретиться с более широкой риторикой «о ценностях, соответствующих русской православной традиции и фундаментальной христианской традиции в целом, которые смогли бы стать фактором, формирующим основные социально-этические нормы и консолидирующим российское общество» [9, с. 117]. Духовные традиции православия, обладающего впечатляющим гуманным опытом совместной жизни, имеют исключительную силу словесного воздействия. «Церковь всегда была источником державного духа», обладая «необходимой духовной энергией для правильной и успешной организации борьбы со злом» [10, с. 8]. В переломные и нестабильные времена авторитет слова веры повышается, и в ответственных политических ситуациях оно может быть поистине бесценным. В этой актуальной перспективе Русская православная церковь готова обеспечить духовное руководство, но многие ли пожелают прислушаться?

В этой связи особо курьезна интеллектуальная риторика, чуждая чувства родины, исторического и национального сознания. Гневные, усердные отрицания и обличения русского прошлого и настоящего, софистические умствования и демагогия — таковы формы яростной борьбы с рус-

скостью России. Характер такого явления давно объяснил И. А. Ильин. Есть люди, писал он, никогда не бывавшие в России и плохо говорящие по-русски, однако сердцем «поющие и трепещущие» вместе с ней. Но есть «русские по крови и происхождению, месту пребывания, языку, быту и государственной принадлежности, но предающие Россию, ее судьбу, ее жилище, ее тело, ее колыбель и ее самое во славу материализма и интернационализма» [11, с. 205].

Полагаем, что светская мысль должна проявить мудрость и отстаивать национальные интересы и достойную будущность России в согласии с мудростью православно-христианской, вместе поддерживать русский мир в состоянии бодрствования, т. е. самосознающим себя народом. Поскольку роль национальных государств продолжает эволюционировать, подобная культура взаимодействий требует наличия государственных руководителей достаточно умных, чтобы адекватно оценивать проблемы населения, достаточно творческих, чтобы предпринимать основанные на состоятельности решения, и обязательно крепких духом, чтобы работать в соборном единении внутри общего дела и во благо нашего Отечества.

1. Biancardi F. David Held's 'Democracy and the Global Order' // *Democracy and the Global System*. London : Palgrave Macmillan, 2003. P. 136–185.

2. Маритен Ж. Человек и государство. М. : Идея-Пресс, 2000. 196 с.

3. Буглай В. Б. Доктрины наднационального регулирования экономических отношений: буржуазная теория и практика. М. : Международные отношения, 1984. 168 с.

4. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб. : РХГИ, 2001. 543 с.

5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М. : Мысль, 1998. 606 с.

6. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологическое эссе по основным аспектам сетевой теории. М. : Логос-Альтера, 2003. 192 с.

7. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002. 496 с.

8. Хабермас Ю., Ратцингер Й (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М. : Библейско-богословский ин-т св. ап. Андрея, 2006. 112 с.

9. Щипков А. В. Христианская демократия в России. М. : Издат. дом «Ключ-С», 2004. 120 с.

10. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладонский. Битва за Россию. Саратов : Приволж. кн. изд-во : Православно-патриот. о-во Георгия Победоносца, 1993. 120 с.

11. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М. : Изд-во АСТ, 2003. 365 с.

© Филимонова О. Ф., 2019